

Отзыв

официального оппонента доктора исторических наук Тихонова Игоря Львовича о диссертации Захаровой Елены Юрьевны «История археологии Центрального Черноземья России (последняя четверть XVIII в. – 1970-е гг.)», представленной к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.06 – археология в диссертационный совет Д.212.038.12 на базе ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет».

Прежде всего, следует отметить актуальность темы, поднятой Е.Ю.Захаровой. На два последних десятилетия пришелся заметный подъем исследований по истории археологии. Создаются работы, охватывающие как процесс развития российской археологии в целом в разные хронологические периоды (Л.С.Клейн, 2014; Н.И.Платонова, 2010; А.С.Смирнов, 2011), так и историю ее отдельных разделов (И.В.Тункина, 2002; С.А.Васильев, 2008; К.А.Руденко, 2014). Среди них определенное место занимают исследования процессов становления археологии в различных центрах или регионах России (И.Л.Тихонов, 2013; Л.Ю.Китова, 2007; С.П.Щавелев, 1997, 2002; А.Д.Пряхин, 2008, 2013; О.М.Мельникова, 2014 и др.). Таким образом, к настоящему времени относительно неплохо изучена история сложения и функционирования крупнейших центров отечественной археологии, прежде всего Санкт-Петербурга и Москвы. Однако, общая картина развития науки об ископаемых древностях в России будет не полной без тщательного изучения деятельности местных исследователей и сложения региональных центров. До недавнего времени эти сюжеты в применении к Центральному Черноземью России были, пожалуй, освещены только в работах С.П. Щавелева по истории курского краеведения. Публикации воронежских историков о губернских статистических комитетах и ученых архивных комиссиях аспекты их трудов в области археологии специально не рассматривали. Соответственно, диссертационная работа Е.Ю.Захаровой является первым комплексным исследованием по истории археологии Центрального Черноземного экономического района России, включающего в себя пять современных территориально-административных единиц Российской Федерации. Данная территория чрезвычайно богата археологическими памятниками разных эпох и культур от палеолита до позднего средневековья, причем представлены как славянские древности «лесного» ареала, так и скифские курганы степняков. Этим обуславливался повышенный интерес к данному региону России с первых шагов отечественной археологии.

Во введении к диссертации убедительно обосновывается эта актуальность исследования, приводится краткий, но исчерпывающий историографический обзор предшествующих работ, четко характеризуются применяемые методы. Далее, основываясь на принципах историзма, автор придерживается проблемно-хронологического подхода. Следует отметить хорошо продуманную и дробную структуру изложения, которая помогает акцентировать внимание читателя на ключевых моментах исследуемого исторического процесса. Абсолютно верным является и постоянное стремление исследовательницы соотносить изучаемые явления с общим процессом становления археологической науки в России и социально-политическими условиями каждого конкретного периода.

Первый раздел диссертационного исследования, состоящий из трех глав, охватывает начало и первые периоды изучения археологических памятников Центрального Черноземья со второй половины XVIII в. до конца существования Российской империи. В первой главе этого раздела началом изучения археологических памятников региона Е.Ю.Захарова считает появление сведений о них в «Описаниях» губерний и трудах Е.А.Болховитинова, С.И.Ларионова, М.И.Славинского. Следующим этапом становятся первые раскопки, проведенные на данной территории первопроходцами местного краеведения. Вторая глава посвящена деятельности губернских статистических комитетов и ученых архивных комиссий, но этому предшествует параграф, анализирующий общие предпосылки становления археологии в регионах Российской империи. Совершенно верно автор диссертации выделяет только два, а не три этапа в процессе эволюции роли Императорской археологической комиссии в археологическом изучении центрально-черноземных губерний России: 1859 - 1886 гг. и 1886 – 1917 гг. Выделение кратковременного руководства комиссией А.А.Васильчикова в особый этап ее истории вызывает у меня большие сомнения. Это как раз то небольшое, в чем я расхожусь со своими многоуважаемыми соавторами по изданию к 150-летию Археологической комиссии. А вот общая оценка деятельности научных обществ (стр. 50), заимствованная из работы В.А.Бердинских (2003), на мой взгляд, не совсем верна. Во-первых, в стране функционировало не 100, а не менее 500 научных обществ разного профиля. Во-вторых, наивысший подъем их деятельности приходился не на 1860 – 1890-е гг., а на последние предреволюционные полтора десятилетия. Несколько странно выглядит отсутствие даже упоминания среди основных российских научных обществ, занимавшихся археологией, Русского археологического общества, в заседаниях которого нередко звучали темы докладов, напрямую связанные с археологическими памятниками Черноземья. Например, доклады В.Н.Глазова о раскопках в Курской губернии (1916 г.), П.П.Ефименко о

палеолитической стоянке в Костенках (1913 г.), Н.Е. Макаренко о раскопках Темниковского могильника и Маяцкого городища. Несколько докладов А.А. Спицына также касались памятников этого региона.

В следующих параграфах этой главы убедительно доказывается, что именно губернские статистические комитеты и ученые архивные комиссии стали ведущими центрами развития исторического краеведения, и в его рамках - археологического изучения центрально-черноземных губерний. Автором обоснована периодизация деятельности этих учреждений по изучению археологических памятников, совершенно справедливо отмечено, что к концу XIX в. инициатива и ведущая роль переходит от статистических комитетов к архивным комиссиям. Показаны динамика этого процесса и постепенно накапливаемый потенциал складывающейся организационной структуры, имеющий хорошие перспективы для дальнейшего развития. Помимо собственно раскопок и публикаций местных исследователей, рассмотрены их взаимосвязи с предварительными комитетами Харьковского, Черниговского, Екатеринославского и других всероссийских археологических съездов, проходивших в непосредственной близости от изучаемого в диссертации региона. Впервые освещено их участие в областных археологических съездах. Особенно детально изучена деятельность Воронежской губернской ученой архивной комиссии. Проанализированы ее отношения с центральным государственным органом археологии - Императорской археологической комиссией, но конфликт вокруг раскопок «Частых курганов» заслуживал бы, наверно, более подробного освещения. По поводу этой и последующих глав можно заметить, что основное внимание в диссертации все-таки уделяется развитию археологии в Воронеже, что впрочем, может быть оправдано статусом «неофициальной столицы Черноземья», ставшей университетским городом уже почти сто лет назад, и естественно, всегда сосредотачивающей в себе наиболее значимые ученые силы.

Третья глава посвящена вкладу ведущих российских археологов последней четверти XIX – начала XX в. в изучении археологии Центрального Черноземья. Ключевыми фигурами названы Д.Я. Самоквасов, исследователи костенковского палеолита И.С. Поляков и А.И. Кельсиев, составитель первой археологической карты Воронежской губернии этнограф В.Н. Майнов. Особо проанализирована многогранная роль А.А. Спицына по организации работ и непосредственному изучению памятников региона, его связи с местными исследователями. Эти страницы научной деятельности одного из основоположников современной археологии полностью реконструированы Е.Ю. Захаровой на основании выявленных ею источников. Не обойден вниманием и единичный эпизод полевых исследований С.Ф. Платонова, как раз связанный с

посещением им Воронежской губернии в 1909 г. Совершенно справедливо автор диссертации выступает против попыток В.В. Митрофанова представить известного историка еще и крупным археологом, показывая не типичность этого эпизода для управляющего Отделением славяно-русской археологии РАО.

В этих и последующих главах автором диссертации широко применяется просопографический метод, позволяющий выявить ведущие фигуры в развитии археологии Центрального Черноземья на различных этапах.

Второй раздел диссертации посвящен советскому периоду процесса развития археологии в Центрально-Черноземном регионе. Начинается он с краткой характеристики серьезных изменений, произошедших после революции и гражданской войны, как в организационной структуре отечественной археологии, так и в положении археологии в совершенно других социально-политических и социально-экономических условиях. Тем не менее, автор показывает, что, несмотря на жертвы революционного лихолетья, гражданской войны, эмиграцию, основной потенциал местных исследователей был сохранен и они были готовы продолжать работу в новых условиях. Более того, появляются даже и новые возможности. Так, с использованием архивных документов прослежена попытка создания Воронежских историко-археологических курсов, возникших в 1922 г. вместо закрытого отделения Московского археологического института в Воронеже. Правда, вскоре закрытыми оказались и курсы. Таким образом, видно, что Воронеж мог получить центр подготовки археологических кадров еще в начале 1920-х гг., но эта возможность оказалась упущенной. Более успешным, как показано в диссертации, стало развитие губернского музея и формирование в нем археологического отдела.

Всесторонне обоснован тезис о том, что работы краеведческих обществ Центрального Черноземья в области археологии в 1920-е гг. являлись прямым продолжением начинаний дореволюционной поры. В сотрудничестве с центральными учреждениями археологии они имели хорошие перспективы развития. Однако, именно в этом регионе репрессии направленные против местных исследователей-краеведов приобрели особый размах, вылившись в широко известное ныне «дело краеведов ЦЧО». Одним из важных выводов диссертации является убедительное доказательство печального факта, что оправиться от этого сокрушительного удара региональная археология смогла только через несколько десятилетий. Поэтому ведущая роль в исследовании археологических памятников региона в 1930-е гг. перешла к специалистам из центральных учреждений Ленинграда и Москвы. Ключевыми фигурами названы

П.П.Ефименко, В.А.Городцов, Г.В.Подгаецкий, внесшие наибольший вклад в изучении каменного, бронзового и железного века Центрального Черноземья.

Пятая глава посвящена археологическим исследованиям региона во второй половине 1940 – 1970-х гг., которые велись как столичными, так и местными учеными. Особо рассмотрена деятельность наиболее крупных экспедиций: Костенковской, Деснинской, Донской, Верхне-Донской и др. Завершается эта глава очерком становления археологии в высших учебных заведениях Курска, Тамбова, и особенно Воронежа. Заслуживает полной поддержки вывод о том, что на базе этих традиций к 1970-м гг. произошло формирование региональной археологической школы.

Значительное внимание уделено истокам воронежской научной школы в области археологии, связанной с педагогической деятельностью А.Н.Москаленко в Воронежском университете. Исследовательница постоянно совершенствовала читаемый ею курс основ археологии. В связи с этим понятна ее критика в адрес учебника по этой дисциплине, выпущенного А.В.Арциховским в 1954 г. Будучи ученицей В.И.Равдоникаса, она сформулировала свои критические замечания практически по тем же позициям, которые обсуждала кафедра археологии ЛГУ. Для характеристики ее отношений с научным руководителем на рубеже 1940 - 1950-х гг., когда В.И.Равдоникас сам стал одной из жертв кампании по борьбе с космополитизмом и «марризмом», очень полезно было бы привлечь к исследованию письма Анатолия Евсеевича и Анны Николаевны Москаленко. Они хранятся, судя по выставленной в сети описи фонда В.И. Равдоникаса, в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

Диссертация Е.Ю.Захаровой представляет значительный интерес не только рядом научно обоснованных выводов, но и большим объемом представленного фактического материала. Нельзя не отметить солидную источниковедческую базу работы. Помимо многочисленных опубликованных источников и исследований, привлечен большой комплекс ранее неизвестных или не публиковавшихся архивных документов из архивохранилищ Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Липецка. Среди них различные фонды архивов Института истории материальной культуры РАН и Института археологии РАН, Российского государственного архива древних актов, Отдела письменных источников ГИМ, Отдела рукописей РНБ, Государственного архива Воронежской области, архивов Липецкого краеведческого музея и Воронежского университета.

Список опубликованных источников и литературы насчитывает около 600 наименований. В приложениях к основному тексту диссертации можно найти ряд ценных и интересных ранее не публиковавшихся архивных документов, среди которых отчеты Л.Б.Вейнберга о раскопках 1887- 1888 гг. вблизи Задонска, новый вариант обозрение

археологических памятников Воронежской губернии А.А.Спицына, его же инструкция по изучению Воронежской губернии для Н.Е.Макаренко, письма С.Ф.Платонова и С.Н.Замятина, отчет В.Н.Глазова о раскопках 1910 г., отзыв П.П.Ефименко о работах Н.В.Валукинского, автобиографии ряда известных исследователей Черноземья, документы о становлении археологии в Воронежском университете. Таким образом, они вводятся в научный оборот вместе с основными положениями и выводами диссертации, которую было бы весьма желательно опубликовать в виде монографии.

В то же время при знакомстве с текстом диссертационного исследования возникли и некоторые замечания.

Немного удивляет нижняя хронологическая граница исследования, избранная автором – последняя четверть XVIII столетия – «когда археологические реалии впервые стали использоваться при составлении «Описаний» соответствующих губерний» - пишет автор. Но ведь объектом внимания и попыток осмысления они становились и ранее. Как тут не вспомнить о находке «костей волота» в Костенках в 1684 г.; или о «боевых слонах Александра Македонского», как пытался интерпретировать такие же находки Петр I; и о вполне рациональном объяснении голландца Н.Витсена.

Довольно странно во введении звучит утверждение, что «впервые краеведческо-археологические сообщества, самостоятельные в организационном и познавательном аспектах, в Воронеже, Курске и Тамбове оформились ко второму десятилетию XX века» (с. 5). А разве Губернские ученые архивные комиссии, первая из которых появилась в Центральном Черноземье уже в 1884 г., не были такими «краеведческо-археологическими сообществами»? Ведь именно этот тезис и обосновывается во второй главе.

Можно было бы упомянуть, что интерпретация раскопанного Д.О.Шеппингом кургана в 1847 г. как некоего храмового комплекса (стр. 35-36), вполне вписывалась в очень популярную в то время теорию Ходаковского - Срезневского о культовом характере славянских городищ.

На стр. 40 вряд ли удачен выбранный пример раскопок курганов местными помещиками, поскольку Анна Михайловна Раевская – не просто владелица имения в Новохоперском уезде Воронежской губернии, а одна из первых женщин-археологов в России, собравшая большую коллекцию и обладавшая серьезными знаниями в области археологии.

Говоря о скепсисе А.А.Спицына по отношению к курганам бронзового века (стр. 195-196), следовало хотя бы кратко осветить проблему выделения памятников бронзового века русскими учеными до появления классической работы В.А.Городцова.

В начале второго раздела было бы полезным не просто привести периодизацию истории советской археологии в 1920-е гг., предложенную Н.И.Платоновой, но и сопоставить с ней процессы, происходившие в изучаемом регионе. В приведенной периодизации почему-то выпал период 1928 – начало 1929 г.

При анализе деятельности С.Н.Замятнина в начале 1920-х гг. в губернском музее было бы полезно учесть кандидатскую диссертацию И.М.Бухтояровой, защищенную в ИИМК РАН в 2013 г. поскольку этот период жизни и деятельности С.Н.Замятнина описан там наиболее досконально.

При обращении к археологическим исследованиям П.Н.Черменского в Тамбовской губернии стоило бы упомянуть о том, что он был слушателем курсов А.А.Спицына по археологии, читавшихся с 1909 г. в Петроградском университете, и, следовательно, имел определенную подготовку для ведения раскопок.

Очень хотелось бы узнать, в чем заключались «предложения рационализаторского порядка по изменению методики раскопок курганов» (стр. 257), поданные в ИИМК Н.В.Валукинским в 1940 г.

В параграфе 5.1.1., посвященном Костенковской экспедиции ЛО ИИМК (ЛО ИА), хотелось бы видеть больше деталей: в чем конкретно заключались «новейшие приемы ведения раскопок», какие новые памятники и объекты были открыты в ходе этих полевых работ? Значительно полнее и детальнее проанализированы исследования экспедиции под руководством Петра Дмитриевича Либерова, развернувшей свои работы в Среднем Подонье с 1954 г.

На мой взгляд, в работе все-таки недостаточно освещены трагические страницы разгрома краеведческого движения в самом начале 1930-х гг. Вообще, Елена Юрьевна иногда лишь упоминает о каких-то событиях или отсылает к существующим публикациям, как бы подразумевая априорное знание читателем этого материала. Так, например, она не приводит даже кратких сведений об истории изучения такого известного памятника, как Маяцкое городище (стр. 328) просто указав наличие собственной монографии на эту тему. В других же случаях Елена Юрьевна бывает излишне скромна и забывает упомянуть собственные публикации по рассматриваемым вопросам. Например, при описании работ Верхне-Донской экспедиции ЛОИА под руководством Всеволода Протасевича Левенка (стр. 316-323), не упоминается ее совместная с А.Н.Бессудновым статья, опубликованная в киевском издании.

В отдельных случаях в тексте встречаются некоторые неточности, так университетский устав был принят в 1835 г., а не в 1834 г. (стр. 42); Н.Е.Макаренко никогда не был членом Императорской археологической комиссии (стр. 54). На стр. 43

утверждается, что в 1843 г. началась подготовка издания «Древности Российского государства», которую координировал А.Н.Оленин. Но Оленин умер в апреле 1843 г. Другое дело, что сбор материала по русским древностям, позднее составившим основу этого труда, начался по инициативе А.Н.Оленина еще в 1830-е гг.

Высказанные замечания носят частный характер, в некоторых случаях могут быть дискуссионными или имеют форму пожеланий. Они не могут повлиять на общую высокую оценку работы, которая представляет собой законченное, фундаментальное исследование, посвященное актуальной и важной научной проблеме – становлению археологии в Центральном Черноземье России. Диссертация является первым комплексным всесторонним исследованием этой темы, а ее автором проделана очень большая работа по выявлению, обобщению, систематизации и анализу значительного объема материала. Основные положения диссертации отражены в двух монографиях, учебном пособии и почти пятидесяти публикациях, 16 из которых в научных журналах, входящих в список ВАК. Автореферат полностью отражает содержание и структуру диссертационной работы, которая написана хорошим литературным языком. Основные положения и выводы Е.Ю.Захаровой всесторонне обоснованы, логичны, понятны и не встречают возражений.

Из всего этого можно заключить, что рассмотренная диссертация Е.Ю.Захаровой соответствует всем требованиям, установленным ВАК по отношению к докторским диссертациям, а автор заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.06 – археология.

21.03.2016 г.

Тихонов

Тихонов Игорь Львович,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры археологии
Института истории ФГБОУ ВО
«Санкт-Петербургский государственный университет»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д.5.
Тел. 8 (812) 3289683
E-mail: I.Tikhonov@spbu.ru

*Личную подпись руки
Тихонова И.Л. заверяю*

Заместитель начальника УК МОП

*Зверев О.С. / 25.03.2016
подготовлен в порядке исполнения
трудовых обязанностей*